

В. К. 20.10.92

11/12

Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова

Открытия доктора Стокмана

Спектакль Государственного театра драмы имени Г. Сундукяна «Доктор Стокман» по пьесе Г. Ибсена продолжил программу театрального фестиваля. Постановка Хорена Абрамяна уже известна на родине норвежского драматурга, где она пользовалась огромным успехом, но впервые была показана в Москве.

Нынешнее прочтение «Доктора Стокмана» армянскими артистами можно назвать ярким, страстным и остро-публицистическим, в духе лучших спектаклей последних десятилетий. Это подчеркнуто не только в сцене-графии Евгения Софронова, но прежде в манере актерской игры.

Среди подвала или чердака, среди обилия канализационных труб, среди вони болота, запаха дыма и гари разгрызается эта история Ибсена. В центре спектакля — доктор Стокман Хорена Абрамяна. Под божественные молитвы, песнопения, интриги и споры, тихую мелодию скрипки доктор совершает свои открытия. От судьбы водолеяницы он обращается к размышлениям о судьбе общества, а от судьбы общества к судьбе одного человека или, как говорили во времена Ибсена и Чехова, жизни индивидуума. Это

сквозная идея роли, прочерченная армянским актером не только с удивительной тонкостью, но и убедительной психологической достоверностью.

Одной из ключевых в спектакле становится сцена обращения доктора Стокмана к своим согражданам. После первого открытия, что воды его родного города отравлены, он совершает другое — город отравлен социальными язвами, злобой и ненавистью. Он кричит толпе, что нельзя из одного послушного «большинства» молниеносно превращаться в иное послушное «большинство» (как тут не вспомнить массовые превращения бывших номенклатурщиков в нынешних «демократов»). Город на призывы Стокмана — Абрамяна отвечает градом камней.

Но истина дается единицам. Это самое горькое и трагическое открытие доктора Стокмана из Еревана. Понятно, что это не может быть его брат и его враг, мэр Города, Петер Стокман (одной из лучших у актера Хачика Назаратяна является сцена спора с главным героем). Его не принимает и родная семья: жена Катрин (Г. Галстян), дочь Петра (Е. Мкртумян)...

Финальная сцена потрясает более всего. Среди тех же

канализационных труб, словно бомж или беженец, побирающийся в подземных переходах Москвы, он лежит, свернувшись калачиком, посреди родного города, как в утробе матери... Появляется Женщина и подносит ему воду как один из символов жизни. И после глотка ее, словно из ада, раздается пронзительный и истошный крик человека. Это не крик рождающегося — это крик умирающего, растерзанного обществом и властью, никому не нужного человека из нашего сегодняшнего дня.

Константин МУХИН.

На снимке: сцена из спектакля.